

Любвеобильная Настя

Коррекционно-развивающие занятия... Чтобы «разговорить» ребёнка, чтобы понять, какие чувства он испытывает, есть так называемое «Дерево чувств» (одна из проективных методик в работе). Предлагаю детям на выбор «листочки» для этого дерева – и позитивные, и не очень: ну, например, счастье, дружба, родители, любовь, радость, страх, тревога...

Семилетняя Настя (крохотная, большеглазая, с актёрскими интонациями в голосе) выслушала меня, задумалась, назвала три слова: «Радость, обида, любовь!». Разобрались с первыми двумя чувствами, дошло дело до любви. Настя откинулась на спинку стула, вальяжно закинула ногу на ногу и томно произнесла:

– Любила я три раза!..

В общем, Лев Толстой с «Воскресением» – отдыхает! Надо ли пояснять, чего мне стоило сохранить серьёзное выражение лица?! А Настя ударилась в воспоминания. Я выслушала подробные рассказы про Вадика, с которым она каталась с горки, про Никиту из детского сада, про Максима из кружка по рисованию...

...Прошло два года. Настя снова в моём кабинете (уже третьеклассница – подросток, но с теми же незабываемыми интонациями в голосе). И снова – «Дерево чувств». И вновь она выбирает любовь! Ну а её комментарий – не менее театрален и пронзителен, чем два года назад (ну разве что ноги на ногу не было):

– Влюбилась в четвёртый раз, с горем пополам.

– А почему с горем пополам?

– А потому что он плохо учится, он двоечник!.. Меня подруга осуждает за то, что я в него влюбилась!..

– Настя, а почему ты всё-таки любишь его?

Она на мгновение задумалась. И совсем не по-детски сказала:

– Люблю – и всё!

Максим, одуванчики и любовь

Максиму – пять лет. И внешне, и «поведенчески» напоминает Кролика из «Винни-Пуха». На его «Дереве чувств» – чувство страха. Надо было преодолевать этот страх, и с Максимом в тот месяц (а это был май) мы встречались довольно часто. И каждый раз он входил в кабинет с жёлтыми одуванчиками, протягивал их мне и напоминал, что их надо поставить в воду. После этого внимательно следил, как я достаю вазочку, наливаю туда воду из-под крана и ставлю одуванчики.

В один из дней Максим пришёл необычайно серьёзный, сосредоточенный. Подарил мне одуванчики. Сел. Пристально посмотрел на меня. И спросил так, что стало ясно: этот вопрос его очень давно мучает:

– Галина Николаевна, я очень люблю своих родителей... А вас я могу любить?

Пожалуй, за всю врачебную практику это была моя самая долгая пауза. На меня смотрел крохотный человечек и ждал ответа. Я ответила ему очень серьёзно:

– Можешь ли ты любить меня? Максим, ну ведь ты понимаешь, что запретить тебе любить меня я не могу.

...Вскоре мы расстались: коррекционно-развивающие занятия с Максимом закончились успешно. От чувства страха он избавился...

Несколько лет назад это было. Но с того времени у меня появилась «майская привычка» – приносить в свой рабочий кабинет жёлтые одуванчики...

Бриллиантовая первоклассница

Даша собиралась в первый класс. Мама беспокоилась за Дашу: как же та будет учиться? Беспокойство было абсолютно оправданным: дело в том, что Даша в принципе не могла «усидеть на месте» и в буквальном смысле могла запросто протереть семь дыр в боку. Она была гиперактивной девочкой. Интересовало её многое, но учёба была не на первом (и далеко не на первом!) месте в «списке» интересов. Дашиной маме нужно было решить: отдавать дочь в школу в этом году или лучше подождать до следующего (тем более, что родилась Даша – в ноябре).

...Я попросила Дашу сделать рисунок под названием «Я иду в школу». Надо отдать должное терпению будущей первоклассницы: она прилежно рисовала, ни на что не отвлекаясь, пока я беседовала с её мамой. И вот Даша торжественно представила нам свой рисунок. На нём мы увидели более чем необычно одетую девочку. При этом в руках у неё не было весьма немаловажного школьного «атрибута»: ни сумки, ни портфеля, ни ранца.

Далее был «искусствоведческий» комментарий к рисунку. Даша поведала маме и мне, что идёт она в школу в короне и что шея её усеяна бриллиантами. И что ещё на ней модная юбка и туфли на высоком каблуке. Что, портфель? А портфель совершенно ни к чему, «потому что это очень тяжело». Ну и, конечно, макияж: длинные ресницы, накрашенные губы – ну как же без этого 1-го сентября?! Да, в ушах, конечно же, тоже бриллианты (чего из стиля-то выбиваться?).

Спрашиваю:

– Даша, а почему ты в школу идёшь одна, почему рядом не видно других детей? Наверное, ты, такая красивая, идёшь в школу самая первая?

О, как она на меня посмотрела!.. Потом вздохнула с укором и возмущённо сказала:

– Вы что, не видите разве? Я же опаздываю, все дети давно в школе, а я же иду на каблуках! А на каблуках же идти невозможно!..

...В тот год Даша в школу не пошла, а стала усердно готовиться к следующему учебному году.

Данил и так называемая личная жизнь...

Данил долго стеснялся в этом признаться...

Ему шёл уже шестой год, а он по-прежнему спал вместе с родителями. Мать настолько выматывалась на работе, что совершенно не могла противостоять сыну. Каждый раз его укладывали в детской кроватке, а ночью он всё равно приходил в «родительскую постель», ложился под боком у матери и безмятежно сладко засыпал.

В квартире готовились к ремонту. И поскольку Данилу через год предстояло идти в школу, было решено выделить ему отдельную комнату с письменным столом, книжной полкой и новым диваном, который планировали купить в ближайшее время.

Однажды вечером папа решил поговорить с сыном. Начал издалека:

– Сынок, когда мальчишки взрослеют, они не спят с мамой и папой в одной кровати.

Данил был серьёзен и весьма логичен в своём ответе:

– Папа, дома я сплю с мамой, в садике я сплю с Ирккой, почему моя жизнь должна так измениться?

.. Прошла неделя, и Данила нужно было забрать из детского сада после сна. Мама отпросилась с работы и, запыхавшись, прибежала в детский сад. Заглянула в спальню, где дети просыпались, лениво потягиваясь в кроватках. Данила в спальне не было.

– А вы мама Данила? – спросила лохматая девочка, приподнимаясь в кровати на одном локте.

– Да. А где Данил?

– Его забрала бабушка.

Рядом с девочкой пустовала кровать. Мать поняла и улыбнулась: понятно, это была кровать Данила, а лохматая девочка – та самая Ирка.

Продолжая опираться на один локоть, девочка вдруг строго продолжила:

– А вы знаете, что ваш Данил меня заразил?!

У матери вытянулось лицо...

– Чем заразил?

Ирка поправила лямку от майки, которая сползла с её плеча, и томно ответила:

– Ветрянкой.

Кубик «Несмеяны»

В кабинет вошла женщина с маленькой девочкой. На вид девочке было годика четыре; темноволосая, с большими умными глазами. Но было заметно, что девочка какая-то грустная, «вся в себе». На вопросы – как тебя зовут? сколько тебе лет? – она не отвечала. Угрюмо молчала.

«Вот видите, – сказала расстроенная мать, – и так везде. Совершенно ни с кем не идёт на контакт: ни с детьми, ни со взрослыми».

Я «переключилась» на мать и стала подробно расспрашивать о поведении её дочери, наблюдая при этом за девочкой. Ребёнок на-

чал осваиваться в кабинете: её заинтересовали игрушки, и она, как говорится, полностью погрузилась в них. От матери я узнала, что ребёнок развит, прекрасно разговаривает дома, но «на людях не раскрывает рта», и из-за этого – бесконечные проблемы и в детском саду, и во дворе на детской площадке... Я решила взять эту «принцессу Несмеяну» на занятия. В кабинете она явно чувствовала себя «в безопасности», да и игрушки (а у меня их много) её всё время интересовали. Играть можно и с ребёнком, который молчит.

Надо сказать, на занятия моя принцесса приходила охотно. Впрочем, по-прежнему не произнося ни слова и почти не улыбаясь. Мы играли. Она хорошо понимала все инструкции к играм. Играла – соблюдая правила, и, как любой ребёнок, оживлялась, когда выигрывала или игра удавалась.

Особенно ей понравился цветной кубик. Его стороны были обклеены цветной бумагой: красная, жёлтая, зелёная и синяя стороны. На двух оставшихся боках кубика красовались солнышко и месяц, что означало, соответственно, – «повторный ход» и «пропусти ход». Кратко о смысле игры. Кидался кубик; какой цвет выпадал – такого же цвета выбиралась карточка. В итоге нужно было из карточек выстроить цветные домики. Ещё были игры в мяч и детское домино. Девочка охотно играла. Но за шесть (!) занятий не проронила ни единого слова. Наступило последнее, заключительное занятие.

Я спросила её, в какую игру она хочет поиграть. Девочка молча принесла мне кубик. Игра началась... И вот разноцветные домики уже красовались на полу. Затем я подошла к находившейся здесь же матери девочки. Пока мы разговаривали, я заметила, как девочка ловко положила кубик в карман своей юбочки.

...До сих пор не знаю: то ли из воспитательных соображений, то ли потому, что сама любила этот кубик, я мягко сказала девочке о том, что у кабинета, так же как у каждой игры, есть свои правила и по «правилам кабинета» – можно играть, но вот выносить игрушки – запрещено. И попросила мою Несмеяну положить кубик на место. И вдруг глаза девочки вспыхнули гневом: стало очевидно, что расставаться с кубиком она не собирается. Она даже приняла позу – руки в боки! – и, глядя на меня исподлобья, строго и зло произнесла:

– Что, ругаться будем?

Я впервые услышала, как она говорит. Надо отметить, что для четырёхлетнего ребенка она говорила отлично! Я ей опять напомнила про «правила кабинета» и сказала, что мне совсем не хотелось бы с ней ругаться. И тогда девочка разразилась гневной (именно гневной!) речью в мой адрес. И, закончив, даже топнула ножкой. Но я была непреклонна.

...Прошло несколько лет. Кубик стоит на своём месте в моём кабинете, в него играют другие дети. «Несмеяну» и её маму я больше не видела. Но я до сих пор думаю про мою принцессу... Думаю о том, что когда-то она станет «королевой»...

